

Научная статья

УДК 72.01

doi: 10.25995/NIITIAG.2023.20.1.001

АРХИТЕКТУРА В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОСТИ

Игорь Андреевич Бондаренко

НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), Москва, Россия,
igor.bondarenko.54@mail.ru

Аннотация. В XX в. современность противопоставлялась истории. Ее образ считался неотъемлемой частью научно-фантастических представлений о будущем. Итоги последнего столетия отчасти подтвердили футуристические прогнозы, но и вызвали разочарование в них. Недаром поднялось широкое движение за охрану природного и культурного наследия. Мечты о будущем смешались с восхищением достижениями прошлого и желанием воскресить некоторые из них, что дает основание говорить о формировании образа современности как чего-то многосложного, разнохарактерного, допускающего мирное сосуществование вещей совершенно разного происхождения. Идеал построения общества светлого будущего сменился заботами об усовершенствовании имеющегося. Современность стала ощущаться как настоящее, расширяющее свои временные рамки и вбирающее в себя, актуализирующее и консервирующее всевозможные культурные ценности. Отсюда следует, что развитие архитектуры будет направляться не столько поисками новизны, сколько стремлением к достижению внеисторической гармонии, наблюдаемой в естественной природе.

Ключевые слова: архитектура, форма, стиль, образ, модернизм, постмодернизм, историзм, современность, будущее, вечность

Original article

ARCHITECTURE IN THE ERA OF IMAGE OF THE CONTEMPORARY MODERNIZATION

Igor A. Bondarenko

Branch of the Federal State Unitary Enterprise "Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation" NIITIAG, Moscow, Russia, igor.bondarenko.54@mail.ru

Abstract. In the twentieth century, modernity was opposed to history. Its image was considered an integral part of science fiction ideas about the future. The results of the last century partially confirmed the futuristic forecasts, but also caused disappointment in them. There is a solid reason why broad movement for protection of natural and cultural heritage has risen. Dreams of the future are mixed with admiration for the achievements of the past and the desire to resurrect some of them, which gives reason to talk about the formation of the image of modernity as something polysyllabic, diverse, allowing peaceful coexistence of things of completely different origins. The ideal of building a society of a bright future has been replaced

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на 2023 год. Тема № 1.1.6.1.

by concerns about improving the existing one. Modernity began to feel like the present, expanding its time frame and absorbing, actualizing and preserving all kinds of cultural values. Consequently, the development of architecture will be guided not so much by the search for novelty as by the desire to achieve non-historical harmony observed in natural nature.

Keywords: architecture, form, style, image, modernism, postmodernism, historicism, modernity, future, eternity

ВВЕДЕНИЕ

Есть основания полагать, что сформировавшееся в XX в. отношение к понятию «современность» во многом изменилось и продолжает меняться у нас на глазах. Это влечет за собой появление нового тренда развития архитектуры, существенно отличающегося от авангардистского новаторства. Задача данной статьи заключается в посильном улавливании происходящих изменений и логическом осмыслении их причин и следствий.

Мировая история полна примеров более или менее радикальных преобразований действительности по политическим и идеологическим мотивам, под влиянием экономических обстоятельств и научно-технических достижений, смены художественных вкусов и мод. Всякий раз возникала некая новая, современная для своего исторического момента культурная парадигма. Сам термин «современность» не содержит претензий на длительное господство, поскольку указывает лишь на сопричастность происходящего какому-то отрезку постоянно текущего и ускользающего времени.

Но в прошлом веке это слово стараниями революционно настроенных политиков, футуристов и лидеров архитектурного модернизма — «Современного движения» — было наполнено иным, гораздо более весомым смыслом, претендующим на радикальное разделение мира на старый и новый. Игра в слова привела к закреплению за понятием «современность» того, что лишь нарождается, противостоит старине и должно обязательно обладать в будущем. Все созданное ранее и существующее обречено на отмирание в силу своей ретроградности, отсталости, «несовременности», то есть несоответствия идеалам модернизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ле Корбюзье Три формы расселения. Афинская хартия. Пер. с франц. М.: Стройиздат, 1976.

² Казакова О. В. Понятие «современность» в архитектуре «оттепели» — от этики к эстетике // Эстетика «оттепели». Новое в архитектуре, искусстве, культуре / Сост. и отв. ред. О. В. Казакова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 161–173.

Архитектура авангарда рождалась в условиях эйфории от достигнутых и грядущих достижений научно-технического прогресса. И романтически настроенным футуристам, и прагматически мыслящим архитекторам с инженерным уклоном казалось, что настало время совершить рационализаторскую революцию в сфере всего градоустройства, дабы покончить наконец с хаосом и несправедливостью прежней жизни¹. Реальный процесс формирования модернистской архитектуры был не столь однозначен и прост, однако он состоялся. Без твердой веры основоположников и их последователей в истинность избранного пути этого бы не произошло.

В СССР не допустили свободного саморазвития профессии, хотя социалистическая революция породила здесь кардинальные перемены и в жизни, и в архитектуре. Заместившую леворадикальный авангард программу освоения лучших достижений прошлого все же нельзя определить однозначно как консервативную, ибо она строилась на той же идеологии противопоставления нового старому, на демонстративном отсечении прямых линий исторической преемственности с капиталистической и феодальной формациями. В массовое сознание тогда удалось внедрить мысль о том, что октябрь 1917 года стал точкой отсчета принципиально новой эры, которая будет бесклассовой, коммунистической, непреходяще-счастливой.

Исторические архитектурные формы в 1930–1950-е гг. оказывались востребованы постольку, поскольку могли успешно использоваться для нужд современного проектирования. Они теперь целенаправленно ставились на службу современности и уже не имели права вызывать ностальгию по прошлому. Былые романтические настроения — как «упаднические» — обязаны были уступить дорогу оптимистической романтике строительства нового общества средствами качественно иного — «социалистического» реализма. Реконструкция Москвы наглядно демонстрировала радикальное преобразование многих ее старинных улиц и площадей.

Реформы Н. С. Хрущева отличались резкостью. Многим показалось тогда, что тяжелая страница истории перевернута, «железный занавес» поднялся, настала «оттепель», за которой последует бурный рост и процветание². Отмежевание от истории при этом еще более усилилось — благодаря приобщению к западной модернистской эстетике. Интеллигенцию потянуло к ней, как к свежему глотку воздуха. Пробудился интерес и к советскому авангарду, задущенному сталинизмом. К этому добавились зримые практические достижения в естественно-научных и инженерно-конструкторских отраслях, среди которых на передовые позиции вышло освоение космоса. Получилось так, что и «физиков»,

и «лириков» охватило воодушевление, сходное по сути своей с тем, что было и на заре «Современного движения».

Возник особый стиль, объединивший искренние творческие поиски образа «светлого будущего» с тем, что навязывала официальная идеология агитационного характера. Ситуацию отягощала задавленность архитекторов-проектировщиков гегемонией строительного комплекса. Отсюда проистекает двойственность в оценках достоинств советской архитектуры и искусства 1960–1970-х гг. Слишком много тогда появилось строений, не отвечающих понятию «архитектура». Я помню, как удивлялся тому, что разработчикам некоторых типовых проектов не хотелось, чтобы их авторство становилось известно широкой публике. (Помню и то, как за соседним столом проектировались интерьеры для госдач с обильной барочной позолотой — без оглядки на нормативы и сметы, — это тоже признак того времени).

Ситуацию усугубляло еще и стремление художников-монументалистов обогатить примитивное панельное домостроение плодами своего творчества, отошедшего от соцреализма ради все того же выражения «духа современности». Зачастую это получалось претенциозно, не очень умело и просто безвкусно. Дело доходило до конфликтов архитекторов с художниками. Мне это известно по работе в ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений им. Б.С. Мезенцева, а потом — во ВНИИТАГе. Особый накал страстей проявился тогда на Украине, где в КиевНИИТАГе было предложено вовсе не считать архитектуру искусством, дабы не зависеть от воли Союза художников. Доктор архитектуры А.П. Мардер в своем фундаментальном труде специально обосновал тезис о том, что не искусство, а архитектура является высшей формой эстетической деятельности³. При этом «утилитаризм» (определение С.О. Хан-Магомедова) массового индустриального домостроения выглядел удручающе, сколько бы за него не агитировали.

ПРИМЕЧАНИЯ

³ Мардер А.П. Эстетика архитектуры: Теоретические проблемы архитектурного творчества. М.: Стройиздат, 1988.

⁴ Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2-х томах. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2002.

⁵ Птичникова Г.А. Эволюция идей прагматизма в архитектуре Запада: На примере США и Швеции: дис. ... д-ра архит.: 18.00.01 / Птичникова Галина Александровна. М., 2005.

⁶ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к приемам строительства. Изд. 2. М.: URSS, 2009.

Но, несмотря ни на что, людей объединяло ощущение принадлежности к обществу «современности», в котором предстоит устранить лишь «отдельные недостатки», как говорилось с высоких трибун. Даже те, кто считал эти недостатки системными, требующими социально-политических перемен, уповали на скорое воцарение во всем цивилизованном мире демократии, справедливости и всеобщего благоденствия. Образ современности «излучался» из манящего будущего.

УТОПИЯ ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНИЕ?

А. И. Иконников определил главную особенность и беду всей мировой архитектуры XX в. словом «утопия»⁴. Из логики его рассуждений следует, что огромную энергию, направлявшуюся на достижение недостижимого идеала, следовало бы потратить на реалистическое жизнестроительство. Это принципиальная позиция, имеющая прямое отношение к рассматриваемому нами вопросу о том, что считать современностью.

Надо напомнить, что во главу угла модернистского движения ставилось решение как раз самых насущных социально-экономических, функциональных и инженерно-технических задач. На американской почве развитие современной архитектуры активно направлялось «философией прагматизма»⁵. В Советском Союзе тоже приоритет отдавался решению реальных практических задач. Другое дело, что тут понадобилось выдвинуть на передний план показательные успехи на идеологическом фронте. Вот почему в архитектурно-градостроительной политике советского времени обнаруживаются вопиющие противоречия⁶.

Однако успешное «жизнестроительство» все же никак не может обходиться без достойного целеполагания, относящегося к сфере культуры и искусства. В противном случае теряется всякий смысл в обсуждении вопросов архитектуры, да и самого понятия «современность», коль скоро это понятие мировоззренческое. В 1930–1950-е гг. у нас, как известно, культивировался стилизаторский «ансамблевый» стиль. Там же, где возобладали модернизм, развитие получили художественные приемы абстракционизма — дизайнерские по своей природе. Но и в том и в другом случаях архитектура XX в. получилась не столько отвечающей действительным потребностям и чаяниям людей, сколько навязывающей им образы придуманного будущего, к которому будто бы неизбежно и закономерно движется настоящее. Недаром высказывались не раз суждения о принципиальном сходстве модернистского радикализма с тоталитаристским.

Нельзя сказать, что идеология создания нового мира и нового человека была заведомо утопической, то есть благостной, но нереализуемой. Она упорно внедрялась и реализовывалась, разрушая традиции. Ее беда заключалась не в несбыточности, а в той насильственности,

с которой унифицировались человеческие потребности, желания и судьбы, исходя из предвзятых, якобы объективных и научно обоснованных прогнозных установок, принятых на вооружение господствовавшими политическими режимами. Весьма различными режимами, но имевшими и некоторую общность, свойственную революционно-индустриальной эпохе. Иными словами, модернизация мира получалась отнюдь не лучезарно-утопической, а очень болезненной, обманчивой и просто ошибочной, преследующей зачастую совершенно антигуманные, ложные цели. Вот почему плоды архитектурно-градостроительной деятельности XX в. приносили разочарования и вызывали протесты.

На самом деле люди ждут от современной архитектуры гораздо большего, чем она дает им фактически. Они вынуждены смиряться и с примитивизмом, и с формалистическим экспрессионизмом, и с показным традиционализмом как мерами навязанными и временными, но в действительности им нужна среда красивая и разнообразная, умиротворяющая и безопасная, человеческая и природосообразная, то есть по-настоящему жизненная, благодатная⁷. Хорошо, что несмотря на все лозунги и преобразования, в XX в. среда эта еще во многом оставалась сложившейся исторически и полустихийно. Новые же проекты, осуществленные и неосуществленные, получались утопическими в том смысле, что не обретали духовной глубины, истинной долговечности. Отсюда и проистекает неудовлетворенность итогами прошлого века, выраженная А.В. Иконниковым и далеко не только им. Вывод таков: архитектура XX столетия, отразив свое время, потеряла теперь право символизировать современность.

ДУХ МОДЕРНИЗМА И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

В последние десятилетия стало принято называть архитектуру времени правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева «советским модернизмом»⁸. С этим определением согласны не все. В частности,

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷ Кузьмин А.В. Среда жизнедеятельности — национальный приоритет России. Формирование и реализация. Доклад на Общем собрании РААСН [Электронный ресурс]. М., 2015. URL: http://www.raasn.ru/upload/iblock/756/Доклад_А.В.Кузьмина.pdf

⁸ Советский модернизм. Формы времени [Каталог выставки] / Авт.-сост., куратор О.В. Казакова. М., 2012.

⁹ Фесенко Д. Запоздалый расцвет. О постмодернизме в советской архитектуре [Электронный ресурс] // Сайт intelros.ru: [ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия]. URL: http://www.intelros.ru/subject/figures/teoriy_arh_processa/6774-zapozdalyj-rascvet-o-postmodernizme-v-sovetskoj-arhitekture.html (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁰ Михейкин Д.И. «Советский модернизм» и начало эпохи постмодернизма // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Колл. монография. Кн. 1. Отв. ред.-сост. И.А. Бондаренко. М.-СПб.: Архи.ру — Коло, 2022. С. 341–349.

¹¹ Бондаренко И.А. О возможности развития города на традиционной основе: архитектурный «ренессанс» Нижнего Новгорода // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Колл. монография. Кн. 1. Отв. ред.-сост. И.А. Бондаренко. М.-СПб.: Архи.ру — Коло, 2022. С. 373–386.

¹² Хайт В.Л. Проектировщик и потребитель в формировании городской среды // В.Л. Хайт. Об архитектуре, ее истории и проблемах. М.: URSS, 2003. С. 384–393.

Д. Е. Фесенко⁹ и Д. В. Михейкин¹⁰ настаивают на том, что это было временем постепенного прихода постмодернизма. О появлении и развитии в СССР постмодернистского метода проектирования, нацеленного на преодоление шаблонности массового индустриального домостроения, высказывался и я, приводя примеры из собственного опыта проектирования¹¹. Надо признать, что метод этот у нас получился своеобразным, во многом «доморощенным», поскольку мы были в стороне от эпицентра событий, связанных с критикой теоретических постулатов модернизма и с эпатажными творческими попытками создать ему альтернативу. Вдохновляли нас преимущественно шедевры классиков модернизма, в которых акцентировалось внимание на самых ярких индивидуальных художественно-пластических достоинствах.

Заметным признаком перемен в нашей стране, как и во всем мире, стало повышение интереса к архитектурному наследию, формирование поначалу робкого, а потом довольно широкого и уверенного движения за сохранение исторических памятников и ансамблей. Архитекторы-практики начали все чаще обращаться к образцам прошлых эпох, особенно знаковых для отдельных народов и конфессий. Это допускалось, а иногда и поощрялось, становилось даже обязательным (как в случае, например, ташкентских построек Е. Г. Розанова), но только с оговоркой насчет того, что современному произведению архитектуры надо непременно придавать черты и дух «современности». Именно так нас учили в МАРХИ в 1970-е гг.

И позже на всех смотрах, конкурсах и обсуждениях такое требование звучало или подразумевалось как совершенно обязательное. Хорошо помню, как С. О. Хан-Магомедов призывал комиссию по присуждению медалей и дипломов РААСН попросту не принимать к рассмотрению работы, не содержащие признаков новаторства авангардистского толка. Это было тогда, когда уже появились добротные стилизации построек классицизма, модерна и пр. В. Л. Хайт очень сетовал по поводу такой жесткой позиции Селима Омаровича. Другие же члены Академии (А. А. Белоконь, например) высказывались в ее поддержку, вплоть до обвинения Владимира Львовича Хайта, когда он был вице-президентом РААСН, в поощрении эклектического «дурновкусия».

Вопрос отражал серьезные разногласия между сторонниками демократизации общества, а значит, и профессиональной деятельности, возвращающейся в таком случае в традиционную «сферу услуг», и теми, кого пугала перспектива утраты архитекторами высокомерной прерогативы определять заодно с властью преобладающими структуру и облик городов и всей среды жизнедеятельности в целом. В. Л. Хайт тогда пропагандировал западный «метод соучастия» в архитектурно-градостроительном проектировании простых жителей¹², а я рассуждал о необходимости

восстановления того непосредственного контакта проектировщиков с заказчиками и пользователями, благодаря которому в былые времена и достигался столь высокий художественный уровень архитектуры. Наши противники считали, что это ведет к снижению уровня профессионализма в угоду плебейской массовой культуре.

К сожалению, традиция объединения всех российских архитекторов в одном творческом союзе и одной академии не позволила даже обсудить эти принципиальные позиции открыто и всесторонне, не говоря уж о создании противоборствующих течений в теоретической и практической деятельности. Всем было легче придерживаться компромиссов, «дружить» и «закруглять углы».

Полагаю, что так получалось потому, что слишком долго современность противопоставлялась истории. Наследие ценилось, но только как свидетельство культурных достижений безвозвратно ушедших эпох. Использование этих достижений казалось возможным лишь в избирательном и нарочито трансформированном, модернизированном виде.

На Западе тоже современная архитектура продолжила контрастировать с исторической, хотя и не всегда так резко, поскольку постмодернизм привел к реабилитации многостилья. Но такие течения, как хай-тек, деконструктивизм, минимализм, даже не попытались достигнуть гармонии с архитектурным наследием. Они продолжили так или иначе интерпретировать все те же модернистские приемы радикального инженерно-технического преобразования действительности.

При этом позиции либералов и консерваторов по многим вопросам переплелись и спутались. Самое яркое свидетельство тому — беспощадное архитектурное преобразование Сити и других районов Лондона. Оно развернулось в годы правления консерваторов во главе с М. Тэтчер, но продолжилось и при лейбористах, выдвигавших прекрасные лозунги о том, что городское строительство должно быть «этичным» и «дружелюбным»¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹³ Возвышаева Т. И. Между академизмом и практикой. Работы последних лет компании RSH+P // Современная архитектура мира. 2022. № 2 (19). С. 123–143.

¹⁴ Азизян И. А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. М.: ЛКИ, 2008.

¹⁵ Дуцев М. В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013.

И все же мало-помалу подошло время формирования иного чувства и образа современности. XX век стал историей, для стариков близкой, а для молодежи — довольно далекой, вызывающей усиливающийся исследовательский интерес. При этом футуристические прогнозы столетней давности, во-многом подтвердившись, оказались вовсе неинтересными и даже удручающими. Недаром так много стали говорить об экологии, традиционных культурных ценностях и необходимости гуманизации городской среды. Весомый авторитет приобрел контекстуальный подход к проектированию новых вставок в сложившееся волею судеб архитектурное и природное окружение. Приняв девиз «Не навреди!», архитекторы дали коллективное согласие на ограничение своей новаторской креативности. Таким образом, главным критерием качества новой архитектуры оказалась уже не эффектная оригинальность, а уместность.

Конечно, появляются здания, вносящие диссонанс и просто неудачные, но именно этот критерий позволяет наиболее определенно осуждать их. Конечно, ведутся споры о вкусах, несмотря на известную поговорку, призывающую этого не делать, однако общая установка на примирение многообразного в городской среде весьма и весьма окрепла. В этой связи следует отметить важность и своевременность постановки темы «диалога» и «полифонии» искусств в городе И. А. Азизян¹⁴. Эта тема удачно подхвачена и развита М. В. Дуцевым в его новейшей теории «художественной интеграции»¹⁵.

О многом говорят изменения в практике строительства и реконструкции односемейного усадебного жилища, где лучше всего проявляются вкусы частных лиц. Я хорошо помню, как многие хозяева в 1960–1980-е гг. старались придать своим старым избам современный вид при помощи облицовки асбестовыми плитами или пластмассовым сайдингом, создания изломанных, асимметричных, а то и плоских покрытий, резкого увеличения оконных проемов и установки в них стандартных городских рам с огромными цельными стеклами. Теперь же от этих несуразных преобразований повсеместно отказались в пользу традиционных двускатных крыш и окон с рамами нормальных габаритов и членений. Более того, все чаще можно видеть, как сами жители любовно поновляют старые оконные наличники и прочую домовую резьбу.

А в местах строительства новых богатых коттеджей виден небывалый подъем стилизаторского, эклектического архитектурного формотворчества. В России это формотворчество при индивидуальном строительстве отличается вольностью, в Европе же сдерживается регламентами, предопределенными характером местной традиционной застройки.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1 а-в. Город Сен-Реми
ле Шеврез под Парижем.
Частновладельческая
застройка с минималистскими
«вставками» недавних лет. Фото
О. И. Бондаренко, 2023

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁶ PLU de Saint-Rémy-lès-Chevreuse /
Règlement / Février 2017. URL:
[https://www.ville-st-remy-chevreuse.
fr/wp-content/uploads/2017/10/
Règlement-PLU-fev-2017.pdf](https://www.ville-st-remy-chevreuse.fr/wp-content/uploads/2017/10/Règlement-PLU-fev-2017.pdf)

Так, во Франции, под Лионом, мелочно следят и за уклонами кровель, и за окраской стен, дабы все новые односемейные дома совершенно не спорили со старыми. Под Парижем в городке Сен-Реми ле Шеврез гораздо больше разнообразия. Тут встречаются и милые традиционные домики, покрытые на два ската, и нарочито минималистские ящикообразные строения, как бетонные, так и обшитые некрашеной, чернеющей вагонкой. Такой суперэкономный «контейнерный» стиль считается современным — этичным и экологичным, ресурсосберегающим и деликатным благодаря своей аскетичной нейтральности. Хотя, на свежий взгляд, он воспринимается как чуждый столь живописной местности, малохудожественный, унылый и, по сути дела, — устаревший, давно исчерпавший себя.

Он поощряется здесь муниципальным архитектором, следящим за соблюдением правил градорегулирования, включающих общие габаритные ограничения для новых частных домов и общественных зданий¹⁶ (илл. 1). При всей тщательности разработки архитектурно-строительных регламентов иногда, по свидетельствам очевидцев, происходят

инциденты, когда втискивание на небольшой участок подобного рода неорганичного строения вызывает обиды и даже резкое неприятие соседей¹⁷. В это легко поверить, особенно если провести параллели между новейшими «домами-ящиками» и их лапидарными прототипами, созданными новаторами прошлого века, нигилистически настроенными по отношению к старине в принципе. Впрочем, архитектура бывает и гораздо более агрессивной.

В последнее время улавливаются явные признаки того, что сам образ высокоразвитой цивилизации в общественном сознании становится совершенно иным, нежели в XX в. Ту эпоху называют индустриальной, а нынешнюю — с приставкой «пост». Футуристические прозрения для нас потеряли отчетливость и привлекательность. Туманные представления о будущем затмеваются восхищением удивительными достижениями прошлого и желанием сохранить, регенерировать, воскресить некоторые из них. Идеализированные представления о былом все более увлекают людей и становятся активными составляющими современной духовной жизни. Самые существенные перемены состоят в том, что мы стали склонны не уходить в историю, порывая с современностью, а извлекать из истории и привносить в современность нечто интересное, волнующее, жизнеспособное. В этом отношении наше время начинает сближаться типологически с эпохами, следовавшими за Ренессансом.

Показательны изменения в отношении восприятия классической музыки. В 1960–1980-е гг. ее поклонники считались людьми старомодными. Любители рок-групп откровенничали насчет того, что от симфоний и опер безнадежно веет «нафталином». Теперь все не так. Музыкальные произведения XIX, XVIII, и XVII веков стали восприниматься удивительно свежо. Вполне можно сказать: современно. Они «пронзают» время, оставаясь без коррозии и патины.

Иными словами, образ современности превращается на наших глазах в нечто многогранное, многосоставное, разнородное, вполне

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁷ В сборе и анализе французских материалов активное участие приняла О. И. Бондаренко.

¹⁸ Добрицына И. А., Коптева Т. В. Нейронаука как методологическая трансгрессия в пространство архитектурного мышления // Архитектура и строительство России. 2021. № 1 (237). С. 10–15.

¹⁹ Золян С. Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 57–77.

²⁰ Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим / Л. Альбрехтс, А. Антонов, А. Броницкая, А. Ложкин, Т. Мизир, А. Миловинова, Ш. Янг; под общ. ред. А. Муратова; Московский урбанистический форум, КБ Стрелка, Институт медиа, архитектуры и дизайна Стрелка. М.: Strelka Press, 2014.

допускающее сосуществование вещей совершенно разного происхождения и свойства. Содействие тому оказывает философия постмодернизма и постструктурализма, связанная с новейшими научными открытиями и гипотезами как в гуманитарной, так и в естественно-научной сферах.

Картина мира стала совсем не той, что прежде. Ее отличительной особенностью является теперь исключительная сложность, бесконечная динамичность и зыбкость, недосказанность и предрасположенность ко все новым и новым сюрпризам. Особенно важны поиски физиков в области взаимодействия материи и энергии, частиц и волн. Квантовая запутанность заставляет воображать невообразимое. Биологи и медики открывают удивительные психофизиологические законы работы мозга и призывают создавать архитектурно-пространственную среду на их основе. Возникло даже творческое течение с впечатляющим наименованием — «Нейроархитектура», правда, оно вызывает настороженность и критику¹⁸. А генетики в содружестве с лингвистами обнаруживают такую информационную кодировку ДНК, которая наводит на мысли об изначальных связях телесного с бестелесным¹⁹.

Параллельно с этими тончайшими научными исследованиями в широких слоях общества происходит стихийный субъективный пересмотр материалистически-упрощенного отношения к религии и мистике. Что бы ни говорили об этом, нельзя не признать существенных изменений в мироощущении человека нашего времени.

Наше время — это и есть современность. Понятие это уже потеряло модернистскую коннотацию, так как стало восприниматься в прямом смысле слова, гораздо более традиционно. Сегодняшняя современность не может отождествляться с той, которая грядет и нам еще неведома. Проектная деятельность всегда рассчитывается на будущее, однако сегодня эти расчеты перестали претендовать на долгосрочность и вообще на точность, ибо все понимают, что занимаются решением уравнений со слишком большим количеством неизвестных. Очевидно, именно поэтому происходит болезненный отказ от традиционных генеральных планов городов и переход к туманным стратегическим мастер-планам в сочетании с автоматизированными системами мониторинга текущих процессов²⁰.

Зато современное сознание, как профессиональное, так и общественное, все больше и больше вбирает в себя прошлое — изучаемое, приближаемое и оживляемое по мере его научного и художественного освоения. Ведь в сферу наших культурных интересов стали входить на равных артефакты самого разного происхождения и свойства. В почете и авангард, и академизм, и классицизм, и барокко, и готика, и романтика, и античность, и древность, и далекая экзотика, и так близкая всем безыскусная простота.

Что касается прогнозов на перспективу, то их стремятся делать реалистическими, осторожными, а главное — не идеологизированными. Надежды на успехи научно-технического прогресса остались, но сам этот прогресс получил совершенно не тот образ, что в эпоху индустриализации. Жесткие пространственные конструкции, взгроможденные на башню Президиума РАН, воспринимаются сегодня как анахронизм. Передовая фундаментальная наука перестала ассоциироваться с такими схематическими абстракциями. А прикладные инженерные разработки приобретают формы все более утонченных, компактных, природоподобных и малозаметных среди окружения систем, так что знаменитый прием раскрытия инженерной начинки, использованный в Центре Помпиду, выглядит теперь как нелепая забава.

Это, безусловно, расширяет творческие возможности архитекторов и дизайнеров, которые могут вскоре вовсе перестать заботиться о нуждах технического обеспечения работы инфраструктуры. Отсюда вытекает обнадеживающий вывод о том, что модернизация памятников старины, так же как и всей исторически сложившейся среды, получит возможность стать гораздо более щадящей и деликатной. То же касается и встраивания архитектуры в естественные ландшафты. Надо сказать, что забота об экологии, о совместимости

ИЛЛЮСТРАЦИИ

2. Симбиотическая архитектура, созданная Манасом Бхатия с помощью нейросети Midjourney. Источник: <https://tehne.com/event/koncepty/simbioticheskaya-arhitektura-manasa-bhatiya-sozdannaya-s-pomoshchyu-neyroseti-midjourney?ysclid=lhkdkn6em7140062833>

3. Хирургическая клиника и медицинский центр Лео. Арх. Ф. Кере, 2016–2018. Источник: <https://www.kerearchitecture.com/work/building/leo-doctors-housing>

ПРИМЕЧАНИЯ

²¹ Ильичев В. А. Биосферная совместимость: Технологии внедрения инноваций. Города, развивающие человека. М.: УРСС, 2012.

²² Бондаренко И. А. Сохранение природных и культурных ценностей как приоритет градостроительства будущего // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Строительство и архитектура». 2013. № 31, ч. 1. С. 36–40.

архитектуры с биосферой²¹ требует не только применения безопасных строительных материалов, не только минимизации вредных выбросов, экономии энергии и ресурсов, но и выработки таких средств архитектурной выразительности, которые бы наглядно демонстрировали желание человека жить в содружестве с природой²².

Неслучайно уже довольно давно обрела своих сторонников «архитектурная бионика», а следом и «биоморфная», «лэндморфная», «геоническая», «симбиотическая» архитектура. Появляются все более изощренные дигитальные проектные и материально-технические возможности осуществления столь сложных, «текучих» конструкций и форм в реальности. В качестве новейшего примера стоит упомянуть яркий проект «симбиотической архитектуры» индийского архитектора Манаса Бхатии, созданный с помощью нейросети Midjourney, в котором многоэтажные дома подобны исполинским деревьям. Архитектор лишь в словесной форме давал задание нейросети и корректировал поступающие от нее предложения, чтобы добиться органического встраивания человеческого жилища в природную среду (илл. 2).

Данный проект производит впечатление научно-фантастического, но в отношении целеполагания он разумен. В наше время создается немало весьма привлекательных архитектурных объектов, не столь экстравагантных, но тоже природосообразных и удачно подхватывающих жизнестойкие этнокультурные традиции. Достаточно назвать имя выходца из Африки — Дьебедо Френсиса Кере, удостоенного Притцеровской премии 2022 г. (илл. 3, 4). Его конек — дешевое строительство для беднейших стран с использованием

подручных материалов, но обязательно художественное, одухотворенное, улавливающее и передающее неповторимый колорит местной культуры.

В недавней своей статье Н. А. Коновалова хорошо представила этого мастера в качестве яркого представителя рождающейся сегодня архитектуры «смирения», как ее назвал Кэнго Кума, — в противовес архитектуре «амбициозной», бесцеремонно подстраивающей под себя любое окружение²³. Основные наблюдения Н. А. Коноваловой оказались очень близки моим.

Независимо от этого, но практически синхронно в России, во Владимирской области, получил

ИЛЛЮСТРАЦИИ

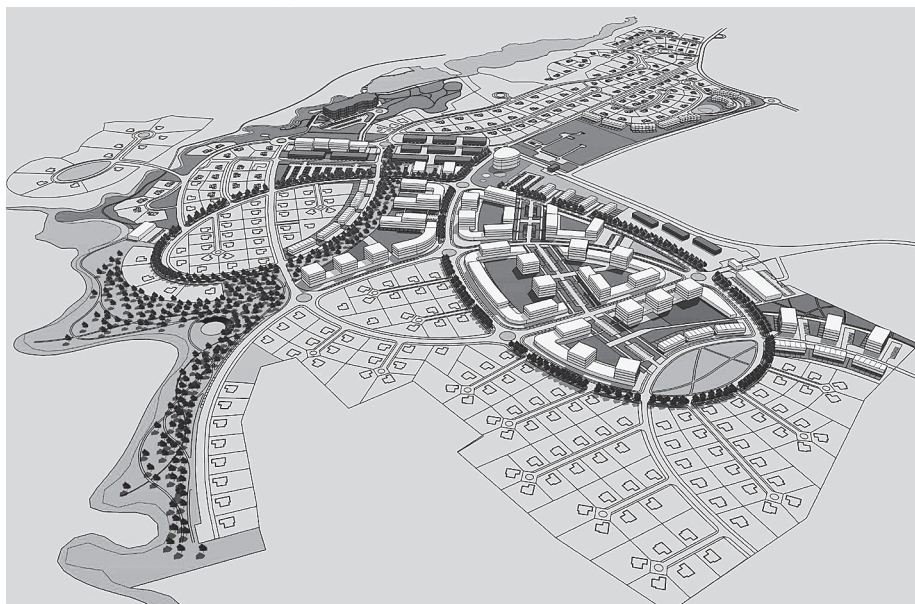
4. Арт-центр Xylem. Арх. Ф. Кере, 2019. Источник: <https://www.kerearchitecture.com/work/building/xylem>

5. Доброград. Панорама с птичьего полета. Проект планировки А. В. Кузьмина

ПРИМЕЧАНИЯ

²³ Коновалова Н. А. Стратегии устойчивости современной архитектуры: «смирение» vs «амбициозность» // Современная архитектура мира. 2022. № 2 (19). С. 11–26.

²⁴ Там же. С. 17.

реализацию проект под говорящим названием «Доброград». Автор его планировки и общей концепции — А. В. Кузьмин — стремился воплотить тот градостроительный идеал, по которому истосковались люди, живущие в казенных многоэтажных городах, до недавнего времени считавшихся самыми современными и перспективными (илл. 5).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Радует тот факт, что каток глобализации, унифицирующей архитектуру, натолкнулся на сильное сопротивление локальных культур, без которых теперь не мыслится будущее мирового сообщества. Ответной реакцией стало возрастание заботы об историко-культурном и природном наследии, о поддержании признаков неповторимого своеобразия, национальной, региональной, индивидуальной идентичности городов и сельских населенных мест. Звездные архитекторы еще задают тон по всему миру, но их все настойчивее критикуют за неуместную «амбициозность» тиражируемых фирменных манер²⁴. Знаменательно то, что устойчивых интернациональных стилей и даже мод больше не возникает. Модернизм из монополиста превратился в один из образцов для подражания, причем все менее популярных, «набивших оскомину» своей навязчивой однотипностью. Стандартизация среды не состоялась, так же как не состоялось «выковывание» универсального человека — «винтика».

Как видно, настрой на построение принципиально нового будущего уступил место посильной работе по усовершенствованию имеющегося.

Современность стала ощущаться как настоящее — сегодняшнее, реально сущее. Это настоящее являет себя здесь и сейчас, но одновременно оно склонно к расширению своих временных рамок и вбиранию, пополнению, актуализации и консервации всевозможных культурных ценностей. Если жить настоящим, согласно заповеди, то путь развития будет направляться не из крайности в крайность, а вглубь и ввысь, ко все большему улучшению того, что накоплено и имеется в распоряжении человечества.

Вопрос о том, каковым же становится или должен стать стиль архитектуры нашего времени, получает, таким образом, довольно ясный ответ: многообразным. Я не хочу сказать «эклектичным». Его многообразие вызывается индивидуализацией, которая идет на смену пресловутой стандартизации. Мне уже доводилось высказываться о том, что закончилось время больших «стилей эпох», и мы сосредотачиваемся теперь на «стилях вещей», то есть на эксклюзивных решениях проблемы целостности и красоты каждого отдельного объекта²⁵. Если логика таких рассуждений подтвердится, то развитие современной архитектуры будет направляться не на поиски чего-то совершенно нового, невообразимого, а на достижение внеисторической, вневременной гармонии и красоты, которая присуща естественной природе.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁵ Бондаренко И. А. От стилей эпох к стилям вещей // Современная архитектура мира. 2012. Вып. 2. С. 9–14.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азизян И. А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. М.: ЛКИ, 2008.
2. Бондаренко И. А. От стилей эпох к стилям вещей // Современная архитектура мира. 2012. Вып. 2. С. 9–14.
3. Бондаренко И. А. О возможности развития города на традиционной основе: архитектурный «ренессанс» Нижнего Новгорода // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Колл. монография. Кн. 1. Отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.-СПб.: Архи.ру — Коло, 2022. С. 373–386.

4. Бондаренко И.А. Сохранение природных и культурных ценностей как приоритет градостроительства будущего // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Строительство и архитектура». 2013. №31, ч. 1. С. 36–40.
5. Возвышаева Т.И. Между академизмом и практикой. Работы последних лет компании RSH+P // Современная архитектура мира. 2022. №2 (19). С. 123–143.
6. Добрицына И.А., Колтева Т.В. Нейронаука как методологическая трансгрессия в пространство архитектурного мышления // Архитектура и строительство России. 2021. №1 (237). С. 10–15.
7. Дущев М.В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013.
8. Золян С.Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. №1. С. 57–77.
9. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2-х томах. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2002.
10. Ильичев В.А. Биосферная совместимость: Технологии внедрения инноваций. Города, развивающие человека. М.: УРСС, 2012.
11. Казакова О.В. Понятие «современность» в архитектуре «оттепели» — от этики к эстетике // Эстетика «оттепели». Новое в архитектуре, искусстве, культуре / Сост. и отв. ред. О.В. Казакова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 161–173.
12. Коновалова Н.А. Стратегии устойчивости современной архитектуры: «смирение» vs «амбициозность» // Современная архитектура мира. 2022. №2 (19). С. 11–26.
13. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к приемам строительства. Изд. 2. М.: URSS, 2009.
14. Кузьмин А.В. Среда жизнедеятельности — национальный приоритет России. Формирование и реализация. Доклад на Общем собрании РААСН [Электронный ресурс]. М., 2015. Режим доступа: http://www.raasn.ru/upload/iblock/756/Доклад_А.В.Кузьмина.pdf.
15. Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская хартия. Пер. с франц. М.: Стройиздат, 1976.
16. Мардер А.П. Эстетика архитектуры: Теоретические проблемы архитектурного творчества. М.: Стройиздат, 1988.
17. Михайкин Д.И. «Советский модернизм» и начало эпохи постмодернизма // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Колл. монография. Кн. 1. Отв. ред.-сост. И.А. Бондаренко. М.-СПб.: Архи.ру — Коло, 2022. С. 341–349.
18. Птичникова Г.А. Эволюция идей прагматизма в архитектуре Запада: На примере США и Швеции: дис. ... д-ра архит.: 18.00.01 / Птичникова Галина Александровна. М., 2005.
19. Советский модернизм. Формы времени [Каталог выставки] / Авт.-сост., куратор О.В. Казакова. М., 2012.
20. Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим / Л. Альбрехтс, А. Антонов, А. Броновицкая, А. Ложкин, Т. Мизир, А. Миловидова,

Ш. Янг ; под общ. ред. А. Муратова ; Московский урбанистический форум, КБ Стрелка, Институт медиа, архитектуры и дизайна Стрелка. М.: Strelka Press, 2014.

21. Фесенко Д. Запоздалый расцвет. О постмодернизме в советской архитектуре [Электронный ресурс] // Сайт intelros.ru: [ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/figures/teoriy_arh_processa/6774-zapozdalyj-rascvet-o-postmodernizme-v-sovetskoj-arhitekture.html (дата обращения: 25.09.2021).
22. Хайт В. Л. Проектировщик и потребитель в формировании городской среды // В. Л. Хайт. Об архитектуре, ее истории и проблемах. М.: URSS, 2003. С. 384–393.
23. PLU de Saint-Rémy-lès-Chevreuse / Règlement / Février 2017. URL: <https://www.ville-st-remy-chevreuse.fr/wp-content/uploads/2017/10/Règlement-PLU-fev-2017.pdf>

REFERENCES

1. Azizyan I. A. *The Dialogue of the Arts of the Twentieth Century: Essays on the Interaction of Arts in Culture* (*Dialog iskusstv XX veka: Ocherki vzaimodejstviya iskusstv v kul'ture*). Moscow: LKI, 2008 [in Russian].
2. Bondarenko I. A. From styles of epochs to styles of things (*Ot stilej epoch k stilyam veshchej*) // *Contemporary World's Architecture* (*Sovremennaya arkhitektura mira*). 2012. Vol. 2. Pp. 9–14 [in Russian].
3. Bondarenko I. A. About the possibility of developing the city on a traditional basis: architectural "renaissance" of Nizhny Novgorod (*O vozmozhnosti razvitiya goroda na tradicionnoj osnove: arhitekturnyj «renessans» Nizhnego Novgoroda*) // *Architectural modernization of the living environment: history and theory* (*Arhitekturnaya modernizaciya sredy zhiznedeyatel'nosti: istoriya i teoriya*). Koll. monografiya. Book 1. Editor-compiler I. A. Bondarenko. Moscow- St. Petersburg: Arhi.ru — Kolo, 2022. Pp. 373–386 [in Russian].
4. Bondarenko I. A. Preservation of natural and cultural values as a priority of urban planning of the future (*Sohranenie prirodnih i kul'turnyh cennostei kak prioritet gradostroitel'stva budushchego*) // *Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series "Construction and Architecture"* (*Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya «Stroitel'stvo i arkhitektura»*). 2013. No. 31, Part 1. Pp. 36–40 [in Russian].
5. Vozvyshaeva T. I. Between academicism and practice. Works of recent years of the company RSH+P (*Mezhdru akademizmom i praktikoj. Raboty poslednih let kompanii RSH+P*) // *Contemporary World's Architecture* (*Sovremennaya arkhitektura mira*). 2022. No. 2 (19). Pp. 123–143 [in Russian].
6. Dobricyna I. A., Kopteva T. V. Neuroscience as a Methodological Transgression into the Space of Architectural Thinking (*Nejronauka kak metodologicheskaya transgressiya v prostranstvo arhitekturnogo myshleniya*) // *Architecture and Construction of Russia* (*Arkhitektura i Stroitel'stvo Rossii*). 2021. No. 1 (237). Pp. 10–15 [in Russian].

7. Dutsev M.V. *The concept of artistic integration in the latest architecture (Konceptsiya hudozhestvennoi integracii v noveishei arhitekture)*. Nizhnii Novgorod: NNGASU, 2013 [in Russian].
8. Zolyan C. T. Semiopoiesis: the formation of meaning in molecular genetics and biosemiotics (Semiopoezis: stanovlenie znacheniya v molekulyarnoi genetike i biosemiotike) // *Criticism and semiotics (Kritika i semiotika)*. 2021. No 1. Pp. 57–77 [in Russian].
9. Ikonnikov A. V. *Architecture of the XXth century. Utopias and reality (Arhitektura XX veka. Utopii i real'nost')*. In two volumes. Moscow: Progress-Tradiciya. 2001–2002 [in Russian].
10. Il'ichev V. A. *Biosphere compatibility: Technologies of innovation implementation. Cities that develop people (Biosfernaya sovmestimost': Tekhnologii vnedreniya innovacii. Goroda, razvivayushchie cheloveka)*. Moscow: URSS, 2012 [in Russian].
11. Kazakova O. V. The concept of "modernity" in the architecture of the "thaw" — from ethics to aesthetics (Ponyatie «sovremennost'» v arhitekture «ottepeli» — ot etiki k estetike) // *Aesthetics of the "thaw". New in architecture, art, culture (Estetika «ottepeli». Novoe v arhitekture, iskusstve, kul'ture)* / Sost. i otv. red. O. V. Kazakova. Moscow: Rosspen, 2013. Pp. 161–173 [in Russian].
12. Konovalova N. A. Strategies for the sustainability of modern architecture: "humility" Vs "ambition" (Strategii ustojchivosti sovremennoj arhitektury: «smirenienie» Vs «ambicioznost'») // *Contemporary World's Architecture (Sovremennaya arkhitektura mira)*. 2022. No. 2 (19). Pp. 11–26 [in Russian].
13. Kosenkova YU. L. *The Soviet city of the 1940s — the first half of the 1950s: from creative searches to construction techniques (Sovetskij gorod 1940-h — pervoj poloviny 1950-h godov: ot tvorcheskikh poiskov k priemam stroitel'stva)*. Second edition. Moscow: URSS, 2009 [in Russian].
14. Kuz'min A. V. *The living environment is a national priority of Russia. Formation and implementation. Report at the General Meeting of the RAACS (Sreda zhiznedejatel'nosti — nacional'nyi prioritet Rossii. Formirovanie i realizaciya. Doklad na Obshchem sobranii RAASN)*. Moscow, 2015. URL: <http://www.raasn.ru/upload/iblock/756/Doklad A.V.Kuz'mina.pdf> [in Russian].
15. Le Corbusier. *Three Forms of Settlement. Charter of Athens (Tri formy rasseleniya. Afin-skaya hartiya)*. Translation from French. Moscow, 1976 [in Russian].
16. Marder A. P. *Aesthetics of architecture: Theoretical problems of architectural creativity (Estetika arhitektury: Teoreticheskie problemy arhitekturnogo tvorchestva)*. Moscow: Strojizdat, 1988 [in Russian].
17. Mihejkin D. I. "Soviet Modernism" and the beginning of the postmodernism era («Sovetskij modernizm» i nachalo epohi postmodernizma) // *Architectural modernization of the living environment: history and theory (Arhitekturnaya modernizaciya sredy zhiznedejatel'nosti: istoriya i teoriya)*. Koll. monografiya. Book 1. Editor-compiler I. A. Bondarenko. Moscow- St. Petersburg: Arhi.ru — Kolo, 2022. Pp. 341–349 [in Russian].
18. Ptichnikova G. A. *The evolution of the ideas of pragmatism in the architecture of the West: The example of the USA and Sweden (Evolyuciya idei pragmatizma v arhitekture Zapada: Na primere SShA i Shvecii)*; doctoral dissertation: 18.00.01. Moscow, 2005 [in Russian].

19. *Soviet modernism. Forms of time* (Sovetskij modernizm. Formy vremeni) [Exhibition catalog] / Author-compiler, curator O. V. Kazakova. Moscow, 2012 [in Russian].
20. *Strategic Master Plan: a tool for managing the future* (Strategicheskii master-plan: instrument upravleniya budushchim) / L. Al'brekhts, A. Antonov, A. Bronovickaya, A. Lozhkin, T. Mizir, A. Milovidova, Sh. Yang ; under the general edition of A. Muratov ; Moskovskii urbanisticheskii forum, KB Strelka, Institut media, arhitektury i dizaĭna Strelka. Moscow: Strelka Press, 2014 [in Russian].
21. Fesenko D. *Belated flourishing. About postmodernism in Soviet architecture* (Zapozdalyi rascvet. O postmodernizme v sovetskoĭ arhitekture) // Sait intelros.ru: [INTELROS — Intellektual'naya Rossiya]. URL: http://www.intelros.ru/subject/figures/teoriy_arh_processa/6774-zapozdalyi-rascvet-o-postmodernizme-v-sovetskoj-arhitekture.html (data obrashcheniya: 25.09.2021) [in Russian].
22. Hajt V. L. *The designer and the consumer in the formation of the urban environment* (Proektirovshchik i potrebitel' v formirovanii gorodskoj sredy) // Hajt V. L. About architecture, its history and problems (Ob arhitekture, ee istorii i problemah). Moscow: URSS, 2003. Pp. 384–393 [in Russian].
23. PLU de Saint-Rémy-lès-Chevreuse / Règlement / Février 2017. URL: <https://www.ville-st-remy-chevreuse.fr/wp-content/uploads/2017/10/Règlement-PLU-fev-2017.pdf>

Об авторе:

Бондаренко Игорь Андреевич — доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, член Президиума РААСН, председатель Научного совета РААСН по историко-теоретическим проблемам архитектуры и градостроительства, эксперт РАН, Почетный архитектор России, Лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства. Автор 350 статей и 15 книг по вопросам истории и теории архитектуры и градостроительства; главный редактор периодического научного издания «Архитектурное наследство»; главный научный сотрудник Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ; в 2004–2018 гг. — директор НИИТИАГ РААСН.

About the author:

Bondarenko Igor — Doctor of Architecture, Professor, Academician of the RAACS, member of the Presidium of the RAACS, Chairman of the Scientific Council of the RAACS on Historical and Theoretical Problems of architecture and Urban Planning, expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Architect of Russia, Laureate of the State Prize of Russia in the field of literature and art. Author of 350 articles and 15 books on the history and theory of architecture and urban planning; Editor-in-chief of the periodical scientific publication “Architectural Heritage”; Chief researcher of the Branch of the Federal State Unitary Enterprise “Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation” NIITIAG; in 2004–2018 — Director of NIITIAG RAACS.